

5.11.2. Историческая теология

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(47).084.8

DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-4-51-70

Научная статья

А. Ю. Хабутдинов

Казанский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
(Казань, Россия)

Частное учреждение — образовательная организация высшего образования
Московский исламский институт
(Москва, Россия)

ОБРАЗ КАЮМА НАСЫРИ В ГОД ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ТАТАРСКИЙ РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ 1940-Х ГГ.*

ХАБУТДИНОВ Айдар Юрьевич —

д-р ист. наук, проф., профессор,

Казанский филиал «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

(420053, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А);

директор, Центр изучения истории ислама в России,

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, 12).

E-mail: aikhabutdinov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5390-2786

*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

© А. Ю. Хабутдинов, 2025

© Ислам в современном мире, 2025

Аннотация. В статье проанализированы особенности формирования образа Каюма Насыри в 1945 г., в год победы в Великой Отечественной войне (1941–1945). В материалах научных сессий, посвященных 120-летию со дня его рождения, на страницах журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература»), отдельных публикациях возникает образ просветителя, связанного с передовой русской мыслью и общественным движением во второй половине XIX века. Этот образ в целом соответствует концепции истории татар, сложившейся после принятия Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. В годы Великой Отечественной войны К. Насыри вошел в пантеон героев, признанных в советском Татарстане, который формировался учеными в русле концепции «большого брата» в лице русского народа. В год Великой Победы отмечается, что К. Насыри был первым из татарских деятелей, который запечатлел пантеон русских правителей, от Владимира I (ум. 1015) до Петра I (1672–1725), описывая их победы над внешними врагами.

Ключевые слова: татарский народ, Каюм Насыри, Великая Отечественная война, пантеон героев, Постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»

Для цитирования: Хабутдинов А. Ю. Образ Каюма Насыри в год Великой Победы: татарский российский ученый глазами советской научной традиции 1940-х гг. // Ислам в современном мире. 2025. Т. 21. № 4. С. 51–70; DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-4-51-70

Поступила в редакцию: 16.10.2025

Одобрена после рецензирования: 01.12.2025

Принята к печати: 27.12.2025

Введение

В 2025 г. в России проводился целый ряд мероприятий, посвященных 200-летию юбилею со дня рождения выдающегося татарского просветителя и ученого Каюма Насыри (1825–1902)¹. Так, в январе 2025 года в Московском исламском институте начал свою работу Центр межрелигиозного диалога имени Каюма Насыри².

¹ См. напр.: 02.02.2025. Выставка к 200-летию Каюма Насыри / Российская национальная библиотека [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA9491/Vystavka-k-200-letiyu-Kayuma-Nasyri (дата обращения: 24.10.2025).

² Центр межрелигиозного диалога имени Каюма Насыри (рук. И. К. Давлетшин). См.: Центр межрелигиозного диалога им. Каюма Насыри [официальная страница в сети «ВКонтакте»]. [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/interreligious_mii (дата обращения: 24.10.2025); 16.01.2025. В Московском исламском институте открыт Центр межрелигиозного диалога имени Каюма Насыри. [Электронный ресурс] // URL: <https://dumrf.ru/common/event/24547> (дата обращения: 24.10.2025). Создание данного Центра призвано популяризировать вклад и идеи видного татарского ученого и мусульманского просветителя в развитие межрелигиозных отношений

В данной статье мы сконцентрируемся на событиях 1945 г., когда в Москве и Казани был отпразднован 120-летний юбилей Каюма Насыри. Подготовка и проведение к нему совпали с последними месяцами Великой Отечественной войны и радостью от Великой Победы. Ни одному татарскому ученому в этот год не было посвящено столько научных публикаций. В этой статье мы проанализируем прежде всего доклады, вошедшие в Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения Каюма Насыри (март и май 1945 г.), статьи о нем на страницах общественно-политического и литературно-художественного журнала «Совет әдәбияты» («Советская литература») (прежде всего № 2 за 1945 г.) и монографическую книгу о нем Мухаммада Гайнуллина (1945). К этому времени Каюм Насыри уже входил в пантеон героев-татар: в годы войны его имя было упомянуто в «Письме татарского народа фронтовикам-татарам» (1943). В нем были указаны имена героев татарской и российской истории, акцентируется внимание на братском единении татарского народа с русским. Пантеон русских героев «Письма» состоял из сынов Поволжья в лице В. И. Ленина (1870–1924), Максима Горького (1896–1936), Я. М. Свердлова (1885–1919), В. М. Молотова (1890–1986), С. М. Кирова (1886–1934), И. Шишкина (1832–1898), а также героев-татар: Хусаина Ямашева (1882–1912), Мулланура Вахитова (1885–1918), Каюма Насыри, Габдуллы Тукая (1886–1913), Галиаскара Камала (1879–1933), Шарифа Камала (1884–1942). Первые двое из упомянутых татар являлись большевиками, остальные классиками татарской литературы первой половины XX века¹. Каюм Насыри не попадает ни в одну из этих двух групп. Поэтому в данной статье постараемся прояснить, почему он был включен в пантеон татарских героев, провозглашенный в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), и занял место фактически основного татарского ученого-гуманитария в 1945 г. Это дает возможность на получение ответа на более широкий вопрос о понимании роли татарской гуманитарной науки в глазах советских ученых в год окончания Великой Отечественной войны.

Обсуждение

В 1945 г., отмечался уже не первый юбилей Каюма Насыри в Татарской АССР. Первый из них прошел в год двадцатилетия его смерти,

в России, принимая во внимание многолетний опыт его деятельности в качестве преподавателя татарского языка в Казанском духовном училище и семинарии в период с 1855 по 1871 г. См.: Хабутдинов А. Ю. Насыри, Каюм // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / коллект. авт.; сост. и отв. ред. А. Ю. Хабутдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2017. С. 181–183.

¹ «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» и ответы на него: сборник документов / Гл. арх. упр. при Каб. Министров Республики Татарстан [сост.: И. А. Мустакимов, Г. В. Гаффарова]. Казань: Гл. арх. упр. при Каб. Министров Республики Татарстан, 2012. С. 9–10.

в 1922 г. Достаточно полная оценка его деятельности происходит под влиянием Галимджана Ибрагимова (1887–1938) в «Сборнике Каюма Насыри», где Джамал Валиди (1887–1932), Газиз Губайдуллин (1887–1937) и Гали Рахим (1892–1943) показали, как его научные достижения, так и его изолированность от духовного развития татарского общества, так как К. Насыри в целом не поддержал ни реформаторские планы Ш. Марджани (1818–1889), ни деятельность российского филолога-востоковеда В. В. Радлова (1837–1918) по просвещению, ни начало реформ джадидов¹.

К середине 1940-х гг. все четверо вышеуказанных классиков татарского литературоведения стали жертвами репрессий и были мертвы, поэтому оценку трудам и дням Каюма Насыри давало уже новое поколение ученых. В литературоведении основную роль играл Мухаммад Гайнуллин (1903–1985), который уже не был связан с научной традицией джадидской эпохи. В 1944 г. он занял должность директора Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (1944–1953, 1959–1961 гг.), и юбилей Каюма Насыри был первым в его административной карьере.

Основными мероприятиями юбилея, на которых получила оценку деятельность К. Насыри, стали две научные сессии, посвященные 120-летию со дня рождения просветителя. Первая из них прошла 18–19 марта 1945 г. в стенах Казанского государственного университета. Вторая состоялась 26 марта 1945 г. в Москве в стенах Библиотеки им. Ленина. Её организаторами выступили Отделение языка и литературы АН СССР, Академия педагогических наук РСФСР, Казанский государственный университет и Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (тогда Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории). Материалы обеих сессий были объединены в один сборник и частично напечатаны только в 1948 г.²

Вначале проанализируем как М. Х. Гайнуллин оценил труд своих предшественников. В № 2 за 1945 г. журнала «Совет әдәбияты» («Советская литература») вышла его статья «Каюм Насыри в документах»³. В дополненном и измененном виде текст появился также в «Материалах научных сессий» (Казань, 1948) под практически идентичным названием «Каюм Насыров в документах»⁴. Поэтому для удобства в случае

¹ Каюм Насыри мәжмугасы: вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. Казан: Татгосиздат, 1922. 160 с.

² Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редкол: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. Казань: Татгосиздат., 1948. 136 с.

³ Гайнуллин М. Каюм Насыри документларда // Совет әдәбияты. 1945. № 2. С. 45–52.

⁴ Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 116–128.

совпадения текстов будем использовать русскоязычный вариант. Следует отметить, что если статья в журнале касается отношений самого К. Насыри с различными деятелями и институциями, то статья в «Материалах научных сессий» содержит и оценки деятельности К. Насыри различными деятелями. В первом же её абзаце М. Х. Гайнуллин без указания на источник подвергает критике мнение литературоведа Гали Рахима (1892–1943), одного из авторов сборника 1922 г. Указывается, что Г. Рахим утверждал, что «Каюм Насыров не был человеком определенного общества, в особенности не был общественником и общественным деятелем»¹. Наоборот, М. Х. Гайнуллин превращает К. Насыри в общественного деятеля.

Первой статьей сборника «Материалов научных сессий» является другая статья М. Х. Гайнуллиной «Каюм Насыри: жизнь и творчество»². Автор начинает статью с указания на расцвет русской культуры, в контекст которой и вводится Каюм Насыри, который «жил и работал в XIX столетии, которое знаменуется расцветом русской классической литературы, развитием философской, литературно-критической, педагогической мысли»³. Далее М. Х. Гайнуллин называет «А. С. Пушкина, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. И. Некрасова, Н. Г. Чернышевского... которые в условиях самодержавного строя и феодально-крепостнической реакции вели неутомимую, самоотверженную борьбу за счастье народное, за светлое будущее народов нашей родины»⁴. М. Х. Гайнуллин указывает на три главных течения «в татарской общественности»: кадимистское (реакционное), буржуазно-либеральное (реформаторское) и демократическое. Он указывает, что «Каюм Насыри был крупнейшим представителем этого демократического направления, идеологом его»⁵. Однако в дальнейшем в статье М. Х. Гайнуллин оказывается не в состоянии доказать свой тезис, так как не может назвать больше ни одного представителя этого демократического направления, соратников К. Насыри.

М. Х. Гайнуллин называет целый ряд представителей джадидизма, прямо противопоставляя К. Насыри различным группам элиты татарского общества: духовенству и буржуазии, джадидской интеллигенции в лице Исмагила Гаспринского (1851–1914). Литературовед отрицательно оценивает контакты К. Насыри с руководством Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) (муфтий Мухаммадьяр Султанов, казый Риза Фахретдинов), татарскими либеральными баями

¹ Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах. С. 116.

² Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри (жизнь и творчество) // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 5–38.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 5–6.

(Ахмет Хусаинов, Сулейман Аитов). Кроме муфтия ОМДС Мухаммадыра Султанова, все эти деятели представляли джадидов. М. Х. Гайнуллин дает такую характеристику этим татарским деятелям: «Даже те, которые вначале не желали признать творческую деятельность Каюма Насырова, впоследствии начали пользоваться его трудами. В 90-х гг. среди татар усилилось стремление к нововведениям в области быта и культуры»¹. Таким образом, движение к прогрессу и нововведениям отождествляется не с джадидской реформой, а деятельностью К. Насыри.

В том же сборнике «Материалов научных сессий» в статье «Каюм Насыри: жизнь и творчество» М. Х. Гайнуллин указывает на причины такой позиции: «Будучи очень общительным с народом, к своим современникам Галимджану Баруди и Гаспринскому, представителям тогдашних либералов и джадидистов, К. Насыри относился очень холодно. Галимджану Баруди он иронически называл “Галимджином”. Вообще он утверждал, что в сане муллы служение народу невозможно»². М. Гайнуллин делает сноску: «Игра слов Галимджан — ученая душа, Галимджин — ученый черт»³. Тем самым М. Х. Гайнуллин прямо противопоставляет К. Насыри мусульманскому духовенству в целом. Однако несколько раньше в той же статье М. Х. Гайнуллин пишет о поездках К. Насыри: «ездил в Уфу для сдачи экзаменов в Духовное собрание»⁴, то есть ОМДС.

Линию на критику мусульманского духовенства в «Материалах научных сессий» продолжает статья Н. К. Дмитриева «Каюм Насыри как филолог»⁵. С точки зрения научной табели о рангах Дмитриев занимал самое высокое место среди авторов сборника, будучи не только профессором, но и членом-корреспондентом Академии наук СССР и действительным членом Академии педагогических наук (1899–1954). На тот момент Н. К. Дмитриев занимал сразу три ключевых поста в сфере тюркологии: в 1944–1948 гг. он был заведующим кафедрой тюркской филологии Ленинградского университета, с 1943 г. он был заведующим восточным отделением филологического факультета Московского университета, в 1938–1954 гг. был заведующим сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР⁶.

М. Х. Гайнуллин хотя бы косвенно, но положительно отзывается о Ш. Марджани: «Похоронен Каюм Насыров на кладбище Ново-Татарской Слободы около могилы ученого-муллы, историка

¹ Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах. С. 120.

² Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри (жизнь и творчество). С. 15.

³ Там же. С. 14–15.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Дмитриев Н. К. Каюм Насыри как филолог // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 39–60.

⁶ Байрамова Л. К. Дмитриев Н. К. Татарская энциклопедия. Т. 2. 2005. С. 295.

Ш. Марджани¹. В период Отечественной войны творчество Ш. Марджани хотя бы как историка получило положительную оценку на страницах «Совет эдэбияты» (см. ниже). Н. К. Дмитриев дает резко отрицательную характеристику Ш. Марджани в стиле воинствующего атеизма.: «против Каюма Насыри был не только Сенной базар, но и столпы мусульманской науки того времени»², — то есть ученый фактически уравнивает черносотенцев Сенного базара с алимом Ш. Марджани. Н. К. Дмитриев пишет, что Марджани «был очень крупный татарский ученый, историк, географ и богослов. Марджани был высшим воплощением старой мусульманской науки»³. Далее Н. К. Дмитриев останавливается на дискуссии Ш. Марджани вокруг труда «Таварих-и Булгарийа» («История Булгарии»), приписываемого Х. Муслими⁴. Не вполне понятно, насколько вообще Н. К. Дмитриев имел представление о творчестве Ш. Марджани, назвав его, например, географом, и о сути концепции «Таварих-и Булгарийа», которое является произведением мусульманской агиографической традиции с вероятно достаточно сильным антироссийским подтекстом, направленным, в частности, против ОМДС и указных мулл⁵. Здесь важно противопоставление Н. К. Дмитриевым личностей Ш. Марджани и К. Насыри: «На стороне Марджани была эрудиция, авторитет среди мусульман России и всего Ближнего Востока, но ему не доставало того, что составляло сущность Насыри как человека и ученого: народности, любви к прогрессу, отсутствия национальной замкнутости... Один из них был как бы символом старой уходящей жизни, другой — пламенным глашатаем новой эры»⁶. Данный абзац является, пожалуй, наиболее классическим проявлением евроцентризма, когда вся мусульманская цивилизация, как в своей российской, так и ближневосточной части, связывается с уходящим прошлым.

Через абзац, продолжая логику своих рассуждений, Н. К. Дмитриев определяет место К. Насыри уже в евроцентристской системе координат: «Наш Ломоносов, с которым иногда сравнивали скромного Каюма Насыри, и гениальный Леонардо да Винчи, с которым его не сравнивали, похожи на татарского ученого в одном отношении: все они были энциклопедистами... Если бы даже Каюм Насыри был гениальным, он едва ли мог создать что-либо подобное Джоконде, ведь в мусульманской

¹ Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри (жизнь и творчество) // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) С. 15.

² Дмитриев Н. К. Каюм Насыри как филолог // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 40.

³ Там же. С. 40.

⁴ Хабетдинов А. Ю. Агиография һәм фәнни биография жанры // Мирас. 1995. №4. С. 72–75.

⁵ Әхмәтжанов М. Хисаметдин Мөслиминен “Тәварихе Болгария” әсәре хакында кайбер фикерләр // Иман нуры. 1993. № 3. Б. 30–39.

⁶ Дмитриев Н. К. Каюм Насыри как филолог // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 41.

Татарии все виды изобразительных искусств кроме каллиграфии были вытравлены с корнем, тогда как на итальянской почве живопись имела за собой богатейшую традицию предшествующих веков»¹. Таким образом, с точки зрения Н. К. Дмитриева, несмотря на все старания К. Насыри, последний занимает явно вторичное, подчиненное место в этой евроцентристской системе координат, так как в отличие от Леонардо да Винчи у него нет многовековой национальной основы. То есть Насыри отрывается от корней мусульманской цивилизации, но превращается максимум в популяризатора научных знаний в их российском варианте.

Поэтому наиболее частотной становится цитата из К. Насыри: «Без “Русия кешеләре, Россиядә булган нәрсә безгә житә”» («Мы русские граждане, нам достаточно того, что имеется в России»)². В 1945 г. в расширенном варианте она превращается в эпиграф книги М. Х. Гайнуллина «Каюм Насыри. В связи со 120-летием с рождения». В начале к ней добавляются слова: «Однако и в самой России имеется достаточно научности. И поскольку это имеется в России, зачем нужно ездить за границу»³.

Таким образом, под наукой для К. Насыри понимается уже чисто российская наука имперского периода. Поскольку К. Насыри действительно никогда не покидал границы России и не мог дискутировать с настоящими иностранцами, то в качестве его главного немусульманского антагониста был выбран этнический немец, хотя и российский чиновник, и ученый, — В. В. Радлов. Утверждается, что именно дискуссия с Радловым привела к появлению вышеуказанной цитаты К. Насыри. Так, в конце статьи М. Гайнуллина 1944 г. содержится информация о конфликте К. Насыри с В. В. Радловым, который 23 октября 1871 г. был назначен на должность инспектора по татарским, башкирским и киргизским школам Казанского учебного округа и находился на этом посту до 1884 г. Именно благодаря В. В. Радлову в 1872 г. был создан русский класс при медресе Казани, то есть началось преподавание русского языка шакирдам (см. ниже)⁴.

С кем же контактировал К. Насыри при жизни и кто были для него авторитетами в татарском обществе? Несмотря на то, что к 1945 г. после смерти К. Насыри прошло только 43 года, в материалах журнала «Совет әдәбияты» содержится только одно воспоминание человека,

¹ Дмитриев Н. К. Каюм Насыри как филолог // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 41.

² Гайнуллин М. Каюм Насыри // Совет әдәбияты. 1944. № 2–3. С. 92.

³ Гайнуллин М. Каюм Насыри (тууына 120 ел тулу уәе белән). Казан: Татгосиздат, 1945. С. 5.

⁴ Загидуллин И., Саматова Ч. Политика самодержавия в сфере школьного образования // История татар. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 501–502.

лично общавшегося с покойным. Оно принадлежит перу поэта и имама (в 1923–1925 гг.) Миргазиза Укмасы (1884–1948)¹. В статье журнала из его биографических данных говорится только об обучении в медресе «Мухаммадийа» с 1898 г. Временем беседы с К. Насыри называется примерно 1901 г. Укмасы жалуется на то, что в медресе не преподают русский язык, сам К. Насыри говорит о необходимости преподавания в медресе математики и физики, а не о продолжении обучения по бухарской схоластической программе. При этом в статье не повествуется ни о наличии русского класса в медресе Казани с 1872 г., ни о введении вышеуказанных предметов в программу «Мухаммадийи» в период революции 1905–1907 гг. М. Укмасы не называет ни одного имени человека, с которым поддерживал контакты живой К. Насыри. Вместо этого М. Укмасы пишет о том, что его медресе в 1905 г. покинуло 65 шакирдов. Он утверждает о наличии связи между взглядами К. Насыри и Х. Ямашева, Г. Кулахметова, Ф. Амирхана, шакирдами медресе периода революции 1905–1907 гг.² Тем самым устанавливается идейная связь уже между К. Насыри и большевиком Х. Ямашевым. Так, тема поиска духовных учеников и преемников К. Насыри была продолжена. В «Материалах научных сессий» М. Х. Гайнуллин уже прямо связывает имена классиков татарской литературы начала XX века М. Гафури, Г. Тукая и Г. Камала с К. Насыри. Литературовед приводит воспоминания Г. Тукая о чтении им книги К. Насыри «Фаваких ал-джуласа» («Плоды собеседований»), мнение Г. Камала о признании языка К. Насыри. Как и М. Укмасы, М. Х. Гайнуллин, говорит о влиянии К. Насыри на Ф. Амирхана, который связывал начало западного влияния на татарскую литературу с творчеством К. Насыри «который использовал много материалов как из восточной, так и из русской литературы»³.

По мнению Н. К. Дмитриева, «своим предшественниками Каюм Насыри считал поэтов Утыз Имяни и Кандаляя»⁴. Однако Габдуррахим (Абдаррахим) Утыз Имяни ал-Булгари известен прежде всего как суфийский деятель, определявшийся своей оппозицией к ОМДС и критическими взглядами по отношению к русскому влиянию на татар. По мнению М. Кемпера, в поэме «Авариф аз-заман» («Дары времени»): «отход от мусульманских традиций и распад уммы Абдаррахим ал-Булгари считал во многом следствием влияния со стороны русских. Их обычаи угрожают традициям предков [салаф], и стремление к роскоши и алкоголю широко распространяется... Он предостерегал собратьев по вере от имитирования их образа жизни — тот, кто перенимает обычаи

¹ Рамеев З. З. Укмасы // Татарская энциклопедия. Т. 6. 2014. С. 16.

² Укмасы М. Каюм абзый Насыри (истәлек) // Совет әдәбияты. 1945. № 2. Б. 61–62.

³ Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах. С. 123–124.

⁴ Дмитриев Н. К. Каюм Насыри как филолог. С. 43.

русских, тот и сам становится неверным»¹. Н. К. Дмитриев не называет имен учителей и предшественников К. Насыри, который в глазах ученого оказывается в одиночестве в татарском мире. В реальности уже в 1930 г. Н. К. Мухитдинов дал анализ основным проектам реформы образования у татар в XIX веке, однако, поскольку он также был репрессирован, то его труды не могли быть упомянуты². И в 1945 г. в статье Л. Заляя (1894–1966) «Просветительское движение среди татар и Каюм Насыри» дается в целом стандартная схема этого движения, где наряду с планами К. Насыри указывается и проект реформы образования, выработанный Х. Фаизхановым. Ш. Марджани здесь прямо называется учителем и единомышленником Х. Фаизханова³. Л. Заляй так говорит о просветительском движении среди татар: «Наконец, начатое К. Насыри, это движение в татарской истории подготовило почву для поднявших демократические, большевистские идеи Тукая и Ямашева»⁴. Тем самым, мы опять видим введение К. Насыри в советский пантеон героев-татар.

В период Великой Отечественной войны принципиальным сюжетом было осуждение захватчиков, включая монгольских ханов, и поиск истоков этой традиции у татар. Так, историк Хайри Гимади в 1942 г. на совместной научной сессии Татарского института языка, литературы и истории и Казанского педагогического института выступил с докладом «Из истории борьбы народов Среднего Поволжья против татаро-монгольского ига», где назвал Ш. Марджани и К. Насыри «серьезными историками»⁵. Х. Гимади привел текст Ш. Марджани из «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»), повествующий о событиях 620 г. хиджры (1223 г.), когда «булгары разгромили монгол»⁶.

В сборнике материалов научных сессий 1945 г. Х. Гимади был автором статьи «О трудах Каюма Насырова в области собирания историко-археологических материалов»⁷. Здесь, как и в статье 1942 г., он пишет о том, как К. Насыри осуждал завоевания Бату-хана, приведшие

¹ *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 279–280.

² *Мухитдинов Н. К.* Проект организации средней школы европейского типа у татар // Вестник научного общества татароведения. 1930. No. 9–10. С. 105–156.

³ *Жәләй Л.* Татарларда магрифәтчелек хәрәкәте һәм Каюм Насыри // Совет әдәбияты. 1945. № 2. Б. 39.

⁴ Там же. Б. 44.

⁵ *Гыймади Х.* Урта Идел буе халыкларының татар монголлар игосына каршы көреше тарихыннан // Совет әдәбияты. 1943. № 5. Б. 71–84.

⁶ *Марджани Ш.* Әл-кыйсм әл-әүвәл мин китаби Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1897. С. 74.

⁷ *Гимади Х. Г.* О трудах Каюма Насырова в области собирания историко-археологических материалов // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 94–103.

к массовым убийствам. Основное внимание Х. Гимади уделил его труду «Зөбдәтен мин тәварихи Рус» («Краткая история России», 1890 г.): «в работах Насырова татарский читатель находит описание событий, связанных с борьбой русского народа против иноземных захватчиков, как Невская битва, Ледовое побоище, борьба с Золотой Ордой, 1812 год и т. д. Читатель узнает имена таких полководцев, как Александр Невский, Минин и Пожарский, Суворов, Кутузов и др.»¹. Особое внимание уделяется критике Золотой Орды у К. Насыри. Если М. Х. Гайнуллин критикует конкретного литературоведа Г. Рахима, то Х. Гимади не называет конкретных имен. Он утверждает, что «буржуазно-националистические историки подходили к освещению этих вопросов с пантюристских позиций, приукрашивали в своих трудах Золотую Орду, идеализировали ее полководцев и ханов»². Вместо ордынских правителей К. Насыри, по Х. Гимади, использует пантеон русских правителей, включая Владимира I, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана IV Грозного и Петра I. Х. Гимади, как и в «Письме татарского народа фронтовикам-татарам» (1943), поднимает тему Ливонской войны: «говорится о заслугах Ивана Грозного в борьбе с немцами во времена Ливонской войны». Для оценки взглядов К. Насыри Х. Гимади приводит позицию русского ученого: «Прав был... крупнейший русский востоковед В. В. Григорьев, который писал, что Насыров первый из наших мусульман, которого европейское образование, полученное им в Казанском университете, подняло в умственном отношении на такую высоту, что он мог отнестись к исламу объективно»³. Здесь мы видим опять позицию евроцентризма, так как подразумевается, что мусульманин не может объективно оценить ислам с точки зрения мусульманского образования. Х. Гимади встраивает К. Насыри в рамки Постановления ЦК КВП(б)⁴ от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»⁵: «объектом изучения он избрал не государство Чингизидов (Золотую Орду), а казанских татар и их далеких предков — камских болгар»⁶. Таким образом, для Насыри у татар есть общие враги с русским народом в лице прежде всего Монгольской империи, Золотой Орды и немцев времен

¹ Гимади Х. Г. О трудах Каюма Насырова в области собирания историко-археологических материалов. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 102–103.

⁴ Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

⁵ Постановление ЦК КВП (б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» // Партийное строительство». 1944. № 15–16. С. 29–32.

⁶ Гимади Х. Г. О трудах Каюма Насырова в области собирания историко-археологических материалов. С. 103.

Ливонской войны. К. Насыри в качестве героев поднимает на щит русских правителей, начиная с эпохи Древней Руси проявивших себя прежде всего как полководцы.

Положительное русское влияние на К. Насыри продолжает проследиваться и в сфере образования и науки. В начале 1944 г. в юбилейных статьях, посвященных Каюму Насыри (1944, № 1¹, 1944, № 2–3)² М. Х. Гайнуллин акцентировал внимание читателей на контактах ученого с русским миром. Автор статьи одобрительно отзывается о работе К. Насыри в Казанской духовной семинарии, учебе как вольнослушателя в Императорском Казанском университете. Как и Х. Гимади, М. Гайнуллин приводит оценку этих вех в биографии ученого, данную востоковедом В. В. Григорьевым (1816–1881). Труд К. Насыри «Фаваких аль-джуласа» показан в свете оценок профессора-востоковеда, цензора В. Д. Смирнова (1846–1922), который положительно оценил отход татар от стамбульских изданий в пользу российских.

В статьях М. Х. Гайнуллиной 1944 г. и 1945 г. и в его монографии о К. Насыри 1945 г. в сносках указываются только работы самого К. Насыри и их оценка русскими современникам (Н. Ф. Катанов, В. Д. Смирнов), то есть в статьях не упоминается татароязычная историография творчества К. Насыри ни досоветская, ни советская 1920-х гг. В конце монографии 1945 г. приводится раздел «Русская и татарская печать о Каюме Насыри». Русскоязычная литература содержит 12 наименований, в ней особо выделяются ученые звания профессоров для трех ученых: В. Д. Смирнова, В. В. Григорьева, Н. Ф. Катанова. Татарские дореволюционные публикации ограничены 4 наименованиями: 3 статьями из журнала «Шура». При этом из серии статей Р. Фахретдина в рубрике «Машхур кешелер ве буюк вакыйгалар» («Знаменитые люди и выдающиеся события») в 3 номерах журнала указана только статья в номере 21 за 1912 год. Советская историография о К. Насыри ограничена 3 публикациями, причем 1920-е гг. ограничены только 1 публикацией М. Курбангалиева, одного из немногих татарских ученых, переживших «большой террор»³. В «Материалах научной сессии», вышедших в свет в 1948 г., также приводится советская историография о К. Насыри. Она уже охватывает 25 наименований, 23 из которых вышли в 1944–1946 гг., то есть также отсутствует упоминание трудов репрессированных ученых⁴.

Наконец, рассмотрим оценки языка К. Насыри. Первая зав. тат. отделением Казанского государственного университета Р. А. Хакимова

¹ Гайнуллин М. Атаклы галим хәм язучы Каюм Насыри // Совет әдәбияты. 1944. № 1. С. 70–78.

² Гайнуллин М. Каюм Насыри // Совет әдәбияты. 1944. № 2–3. Б. 87–93.

³ Гайнуллин М. Каюм Насыри (тууына 120 ел тулу уңае белән. Б. 109–112).

⁴ Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). С. 133–134.

в статье «Каюм Насыров как языковед»¹ утверждала: «По вопросу о Каюме Насырове существовали различные мнения. Например, сторонники панисламизма пытались причислить его к арабистам и панисламистам, исходя из того, что Насыров писал некоторые свои произведения на арабском языке, употребляя много арабских терминов и слов в своих трудах и следовал системе арабских грамматик. При этом они по большей части имели в виду его «Энмузеж»². М. Х. Гайнуллин в монографии: «Каюм Насыри (в связи со 120-летием со дня рождения)» оказался в более сложной ситуации: ему пришлось цитировать, например, автобиографию К. Насыри, содержащую большое количество арабизмов»³.

Заключение

Каюм Насыри был включен в советский пантеон татарских деятелей, указанный в «Письме татарского народа фронтовикам-татарам» (1943 г.). В статьях 1945 г. про него упоминаются герои того же «Письма»: большевик Х. Ямашев, классики татарской литературы Г. Тукай и Г. Камал. При этом в публикациях 1945 г. К. Насыри противопоставляется татарской мусульманской элите конца XIX века в лице мусульманского духовенства, джадидской интеллигенции и буржуазии. В 1944 г. и особенно в 1945 г. выходит в свет ряд публикаций, посвященных 120-летию со дня его рождения, в Москве и Казани проводятся посвященные ему научные сессии. В материалах научных связей основное внимание уделяется контактам К. Насыри с современниками — русскими учеными Казани, чьи оценки кладутся в основу анализа его творчества. Советские ученые в 1945 г. прямо критикуют татарскую джадидскую историографию Золотой Орды (согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.), оценки джадидами деятельности и творчества К. Насыри. Он рассматривается как критик Золотой Орды и её правителей, положительно анализирующий историю болгар и их потомков — казанских татар. Одновременно поднимается тема общей родины, когда К. Насыри находит общих врагов татар и русских в лице Монгольской империи, Золотой Орды и немцев времен Ливонской войны, в качестве героев поднимает на щит русских правителей. Такой образ Каюма Насыри как ученого и патриота России, созданный в 1944–1945 гг., просуществует практически до конца советского

¹ *Хакимова Р. А.* Каюм Насыров как языковед // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения). Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. С. 61–77.

² Там же. С. 69.

³ *Гайнуллин М.* Каюм Насыри (тууына 120 ел тулу уңае белән). С. 11–13.

периода, что уже выходит за рамки нашего исследования.

Литература

Байрамова Л. К. Дмитриев Н. К. // Татарская энциклопедия. — Т. 2. — Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — С. 295.

Гайнуллин М. Атаклы галим һәм язучы Каюм Насыри // Совет әдәбияты. — 1944. — № 1. — С. 70–78.

Гайнуллин М. Каюм Насыри (тууына 120 ел тулу уңае белән). — Казан: Татгосиздат, 1945. — 112 с.

Гайнуллин М. Каюм Насыри // Совет әдәбияты. — 1944. — № 2–3. — Б. 87–93.

Гайнуллин М. Каюм Насыри документларда // Совет әдәбияты. — 1945. — № 2. — Б. 45–52.

Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри (жизнь и творчество) // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редколлегия: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. — Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. — С. 5–38.

Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редколлегия: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. — Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. — С. 116–128.

Гимади Х. Г. О трудах Каюма Насырова в области собирания историко-археологических материалов // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редколлегия: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. — Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. — С. 94–103.

Гыймади Х. Урта Идел буе халыкларының татар монголлар игосына каршы көреше тарихыннан // Совет әдәбияты. — 1943. — № 5. — Б. 71–84.

Дмитриев Н. К. Каюм Насыри как филолог // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редколлегия: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. — Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. — С. 39–60.

Әхмәтҗанов М. Хисаметдин Мөслиминен «Тәварихе Болгария» әсәре хакында кайбер фикерләр // Иман нуры. — 1993. — № 3. — Б. 30–39.

Жәләй Л. Татарларда мәгрифәтчелек хәрәкәте һәм Каюм Насыри // Совет әдәбияты. — 1945. — № 2. — Б. 37–44.

Загидуллин И., Саматова Ч. Политика самодержавия в сфере школьного образования // История татар. Том VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. — Казань: Институт истории АН РТ, 2013. — С. 499–514.

Каюм Насыри мәжмугасы: вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. — Казан: Татгосиздат, 1922. — 160 б.

Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редколлегия: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. — Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. — 136 с.

Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. — Казань: Российский исламский университет, 2008. — 656 с.

Мәрҗани Ш. Әл-кыйсм әл-әүвәл мин китаби Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан: Типография Б. Л. Домбровского, 1897. — 264 б.

Мухитдинов Н. К. Проект организации средней школы европейского типа у татар // Вестник научного общества татароведения. — 1930. — № 9–10. — С. 105–156.

«Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» и ответы на него: сборник документов / Гл. арх. упр. при Каб. Министров Республики Татарстан [сост.: И. А. Мустакимов, Г. В. Гаффарова]. — Казань: Гл. арх. упр. при Каб. Министров Республики Татарстан, 2012. — 143 с.

Постановление ЦК КП(б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» // Партийное строительство. — 1944. — № 15–16. — С. 29–32.

Рамеев З. З. Укмасы // Татарская энциклопедия. Т. 6 / гл. ред. А. М. Мазгаров, отв. ред. Г. С. Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. — С. 16.

Укмасы М. Каюм абзый Насыри (истәлек). // Совет әдәбияты. — 1945. — № 2. — Б. 61–62.

Хабутдинов А. Ю. Насыри, Каюм // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / коллект. авт.; сост. и отв. ред. А. Ю. Хабутдинов. — М.: Издательский дом «Медина», 2017. — С. 181–183.

Хакимова Р. А. Каюм Насыров как языковед // Каюм Насыри: 1825–1945 (Материалы науч. сессий, посвящ. 120-летию со дня рождения) / [Редколлегия: доц. М. Х. Гайнуллин, проф. д-р Н. И. Воробьев (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. — Казань: Татгосиздат, Сектор худож. лит., 1948. — С. 61–77.

Хәбетдинов А. Ю. Агиография һәм фәнни биография жанры // Мирас. — 1995. — № 4. — Б. 72–75.

References

Akhmetjanov M. (1993). Khisametdin Muslimineng “Tavarihe Bolgariya” esere hakynda kaiber fikerler [Some Thoughts about the Work of Khisametdin Muslimin Called “Tavarihe Bolgariya”]. *Iman nury* [Light of Faith]. No. 3, pp. 30–39. (In Tatar)

Bayramova L. K. (2005). *Dmitriev Nikolai Konstantinovich* [Dmitriev Nikolay Konstantinovich]. *Tatarskaia enciklopediia* [Tatar Encyclopaedia]. Vol. 2. Kazan: Institut Tatarskoi Enciklopedii AN RT Publ. P. 295. (In Russian)

Gaynullin M. (1944). Atakly galim h m yazuchy Qayum Nasyri [The Famous Scientist and Writer Qayum Nasyri]. *Sovet edebiyaty* [Soviet Literature]. No. 1, pp. 70–78. (In Tatar)

Gaynullin M. (1944). Kaium Nasyri [Qayum Nasyri]. *Sovet edebiyaty* [Soviet Literature]. No. 2–3, pp. 87–93. (In Tatar)

Gaynullin M. (1945). Kaium Nasyri dokumentlarda [Qayum Nasyri in the Documents]. *Sovet edebiyaty* [Soviet Literature]. No. 2, pp. 45–52. (In Tatar)

Gaynullin M. (1945). *Kaium Nasyri (tuuyna 120 el tulu ungae belen)* [Qayum Nasyri (In Connection with the 120th Anniversary of His Birth)]. Kazan: Tatgosizdat Publ. 112 p. (In Tatar)

Gaynullin M. (1948). Kaium Nasyrov v dokumentakh [Qayum Nasyri in the Documents]. *Kaium Nasyri: 1825–1945 (Materialy nauch. sessii, posviashch. 120-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Qayum Nasyri: 1825–1945 (Academic Session Materials Commemorating the 120th Anniversary of His Birth)]. Editorial board: Senior lecturer M. Kh. Gaynullin, Prof. Dr. N. I. Vorobev (ed.-in-chief) and others; USSR Academy of Sciences, Kazan Branch of the Institute of Language, Literature and History. Kazan: Tatgosizdat, Sektor khudozh. lit. Publ., pp. 116–128. (In Russian)

Gaynullin M. (1948). Kaium Nasyri tvorchestvo [Qayum Nasyri (Living and Writings)]. *Kaium Nasyri: 1825–1945 (Materialy nauch. sessii, posviashch. 120-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Qayum Nasyri: 1825–1945 (Academic Session Materials Commemorating the 120th Anniversary of His Birth)]. Editorial board: Senior lecturer M. Kh. Gaynullin, Prof. Dr. N. I. Vorobev (ed.-in-chief) and others; USSR Academy of Sciences, Kazan Branch of the Institute of Language, Literature and History. Kazan: Tatgosizdat, Sektor khudozh. lit. Publ., pp. 5–38. (In Russian)

Gyjmedi Kh. (1943). Urta Idel bue halyklarynyng tatar mongollar igosyna karshy koreshe tarihyndan [From the History of the Struggle of the Peoples of the Middle Volga Region against the Tatar-Mongol Yoke]. *Sovet edebiyaty* [Soviet Literature]. No. 5, pp. 71–84. (In Tatar)

Dmitriev N. K. (1948). Kaium Nasyri kak filolog [Qayum Nasyri as a Philologist]. *Kaium Nasyri: 1825–1945 (Materialy nauch. sessii, posviashch. 120-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Qayum Nasyri: 1825–1945 (Academic Session Materials Commemorating the 120th Anniversary of His Birth)]. Editorial

board: Senior lecturer M. Kh. Gaynullin, Prof. Dr. N. I. Vorobev (ed.-in-chief) and others; USSR Academy of Sciences, Kazan Branch of the Institute of Language, Literature and History. Kazan: Tatgosizdat, Sektor khudozh. lit. Publ., pp. 39–60. (In Russian)

Giymadi Kh. G. (1948). O trudakh Kaiuma Nasyrova v oblasti sobiraniia istoriko-arkheologicheskikh materialov? [About Qayum Nasyri's Efforts in the Field of Collecting Historical and Archaeological Materials]. *Kaium Nasyri: 1825–1945 (Materialy nauch. sessii, posviashch. 120-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Qayum Nasyri: 1825–1945 (Academic Session Materials Commemorating the 120th Anniversary of His Birth)]. Editorial board: Senior lecturer M. Kh. Gaynullin, Prof. Dr. N. I. Vorobev (ed.-in-chief) and others; USSR Academy of Sciences, Kazan Branch of the Institute of Language, Literature and History. Kazan: Tatgosizdat, Sektor khudozh. lit. Publ., pp. 94–103. (In Russian)

Hakimova R. A. (1948). Kaium Nasyrov kak iazykoved [Qayum Nasyri as a Philologist]. *Kaium Nasyri: 1825–1945 (Materialy nauch. sessii, posviashch. 120-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Qayum Nasyri: 1825–1945 (Academic Session Materials Commemorating the 120th Anniversary of His Birth)]. Editorial board: Senior lecturer M. Kh. Gaynullin, Prof. Dr. N. I. Vorobev (ed.-in-chief) and others; USSR Academy of Sciences, Kazan Branch of the Institute of Language, Literature and History. Kazan: Tatgosizdat, Sektor khudozh. lit. Publ., pp. 61–77. (In Russian)

Jelej L. (1945). Tatarlarda megrifetchelek herekete hem Qayum Nasyri [Educational movement among Tatars and Qayum Nasyri]. *Sovet edebiyaty* [Soviet Literature]. No. 2, pp. 37–44. (In Tatar)

Kaium Nasyri: 1825–1945 (Materialy nauch. sessii, posviashch. 120-letiiu so dnia rozhdeniia) [Qayum Nasyri: 1825–1945 (Academic Session Materials Commemorating the 120th Anniversary of His Birth)]. (1948). Editorial board: Senior lecturer M. Kh. Gaynullin, Prof. Dr. N. I. Vorobev (ed.-in-chief) and others; USSR Academy of Sciences, Kazan Branch of the Institute of Language, Literature and History. Kazan: Tatgosizdat, Sektor khudozh. lit. Publ. 136 p. (In Russian)

Kemper M. (2008). *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane (1789–1889). Islamskii diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889). Islamic Discourse under Russian Domination]. Kazan: Rossijskii islamskii universitet Publ. 656 p. (In Russian)

Khabutdinov A. Yu. (1995). Agiografiya hem fenni biografiya zhanry [Genre of Hagiography and Scientific Biography]. *Miras* [The Heritage]. No. 4, pp. 72–75. (In Tatar)

Khabutdinov A. Yu. (2017). Nasyri, Kaum [Qayum Nasyri]. *Islam v Tatarstane: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in Tatarstan: An Encyclopedic Dictionary]. Team of authors; A. Yu. Khabutdinov (compil., ed.-in-chief). Moscow: Izdatel'skii dom "Medina" Publ., pp. 181–183. (In Russian)

Marjani Sh. (1897). *El-kyism el-evvel min kitabi Mustafadel-ahbar fi ahvali Kazan va Bolgar* [The First Part of the Book Useful Information about the Affairs of Kazan and Bulgar]. Kazan: Tipografia B. L. Dombrovskogo Publ. 264 p. (In Tatar)

Mukhitdinov N. K. (1930). Proekt organizacii srednei shkoly evropejsko-go tipa u tatar [The project of organizing a European-type secondary school among the Tatars]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Journal of the Scientific Society of Tatarology]. No. 9–10, pp. 105–156. (In Russian)

Postanovlenie CK VKP(b) ot 9 avgusta 1944 goda «O sostoyanii i merakh uluchsheniya massovo-politicheskoi i ideologicheskoi raboty v Tatarskoi partiinoi organizacii» [Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the Status and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work of the Tatar Party Organization” of August of 9, 1944]. (1944). *Partiinoe stroitelstvo* [Party Construction]. No. 15–16, pp. 29–32. (In Russian)

“*Pis'mo tatarskogo naroda frontovikam-tataram*” i otveti na nego [“A Letter from the Tatar People to the Tatar Front-Line Soldiers” and the Answers to It]. (2012). Main Archives Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan; I. A. Mustakimov (compil.), G. V. Gaffarova (compil.). Kazan: Gl. arkh. upr. pri Kab. Ministrov Respubliki Tatarstan Publ. 143 p. (In Russian)

Kayum Nasyri mejmugasy: vafatyna egerme el tulu muesebebe belen chygga [Qayum Nasyri's Collection: Published on the 20th Anniversary of His Death] (1922). Kazan: Tatgosizdat Publ. 160 p. (In Tatar)

Rameev Z. Z. (2014). Ukmasi [Ukmasi]. *Tatarskaia enciklopediia* [Tatar Encyclopaedia]. Vol. 6. Mazgarov A. M. (ed.-in-chief), G. S. Sabirzyanov (ed.). Kazan: Institut Tatarskoi entsiklopedii AN RT Publ. P. 16. (In Russian)

Ukmasi M. (1945). Qayum Nasyri (istelek) [Qayum Nasyri (A Reminiscence)]. *Sovet edebiyaty* [Soviet Literature]. No. 2, pp. 61–62. (In Tatar)

Zagidullin I., Samatova Ch. (2013). Politika samoderzhavii v sfere shkol'nogo obrazovaniia [The Policy of the Autocracy in the Field of School Education]. *Istoriya tatar. Tom VI. Formirovanie tatarskoj nacji. XIX — nachalo XX v.* [History of the Tatars. Volume VI. Formation of the Tatar Nation. The 19th Century — Early the 20th Century]. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., pp. 499–514. (In Russian)

THE IMAGE OF QAYUM NASYRI IN THE YEAR OF THE GREAT VICTORY: THE TATAR RUSSIAN SCIENTIST IN THE SOVIET SCIENTIFIC TRADITION OF THE 1940s*

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the formation of the image of Qayum Nasyri in 1945, the year of victory in the Great Patriotic War (1941–1945). The image of the educator, associated with progressive Russian thought and the social movement in the second half of the 19th century, emerges in the materials of scientific sessions dedicated to the 120th anniversary of his birth, on the pages of the magazine “Soviet Edebiyaty” (“Soviet literature”), and in separate publications. This image generally corresponds to the concept of the history of the Tatar people, developed following the adoption of the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the Status and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work of the Tatar Party Organization” on August 9, 1944. During the Great Patriotic War, Q. Nasyri was inducted into the pantheon of heroes recognized in Soviet Tatarstan, which was formed by scientists in line with the concept of the Russian people as an “elder brother”. In the year of the Great Victory, it is noted that Q. Nasyri was the first Tatar figure, who studied the activities of Russian rulers, from Vladimir I (d. 1015) to Peter I (1672–1725), describing their victories over external enemies.

Keywords: Tatar people, Qayum Nasyri, Great Patriotic War, pantheon of heroes, Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks “On the Status and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work of the Tatar Party Organization” of August of 9, 1944

For citation: Khabutdinov A. Yu. The Image of Qayum Nasyri in the Year of the Great Victory: The Tatar Russian Scientist in the Soviet Scientific Tradition of the 1940s. *Islam in the modern world*. 2025; 21(4): 51–70. (In Russ.); DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-4-51-70

Received: 16.10.2025

Review received: 01.12.2025

Accepted: 27.12.2025

Aidar Yu. KHABUTDINOV,

Dr. Sci. (Hist.), prof., professor,

Kazan branch of the “Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev”

(7A, 2nd Azinskaya St., 420088, Kazan, the Russian Federation);

Head, Center for the Study of the History of Islam in Russia,

Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, 109382, Moscow, the Russian Federation).

E-mail: aikhabutdinov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5390-2786

